

Мальчик внутри

Валентин Литвинов

18+

Валентин Литвинов

Мальчик внутри

«Автор»

2025

Литвинов В.

Мальчик внутри / В. Литвинов — «Автор», 2025

Эмоциональная и честная история о человеке, который долго жил “на автомате”: с привычкой терпеть, молчать, держаться, не показывать слабость. О семье и окружении, где легче научиться закрываться, чем быть собой. О дружбе, потерях и внутренней пустоте, которая со временем становится нормой. Но однажды приходит момент, когда прошлое перестаёт молчать. И тогда герой оказывается перед выбором: продолжать исчезать из собственной жизни или впервые по-настоящему услышать себя — того самого мальчика внутри, которого он так долго пытался забыть. Книга о боли, взрослении. О том, что даже после самых тяжёлых периодов можно найти путь обратно к себе.

© Литвинов В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Дисклеймер	5
Пролог	6
ЧАСТЬ I. Тишина	7
Глава 1. Пока она идёт	7
Глава 2. Рядом со страхом	9
Глава 3. Моё и чужое	16
Глава 4. Место	18
ЧАСТЬ II. Пока рядом	20
Глава 5. Вне дома	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мальчик внутри

Иногда достаточно не уходить. Остальное происходит само
Валентин Литвинов

Дисклеймер

Эта книга основана на личном опыте и переживаниях, переосмысленных в художественной форме. Имена персонажей и некоторые детали изменены. Все персонажи являются вымышленными, и любые совпадения с реальными людьми случайны.

Пролог

Я проснулся рано – не от звука, от тишины. Такой плотной, будто с мира сняли кожу, оставив только внутренний слой. Новый город ещё спал. Сквозь тонкие стены тянулись редкие звуки – шаги, глухой стук лифта, чей-то кашель. Всё это было чужим – и уже моим.

Комната была пуста, кроме чемодана у стены и зимнего света, который будто просачивался сквозь воздух, а не через окно. Я лежал, смотрел на потолок и пытался вспомнить, когда в последний раз просыпался без страха. Память молчала.

Я сел на кровати. Тонкий матрас пружинил подо мной – дешёвый, съёмный, временный. И вдруг я заметил: воздух здесь пах не домом. Ни одним из тех, которые я когда-либо знал.

Этот запах – сырости, холода и слабого намёка на одиночество – пробил что-то глубоко внутри. Как будто кто-то шёл ко мне из далёкого коридора памяти: тихо, осторожно, словно боясь спугнуть.

Не голос. Не видение. Просто присутствие.

Тот, кто стоял за моей спиной, был маленьким. Слишком маленьким, чтобы его вообще замечали.

Я не оглянулся – знал, что там никого нет. Но ощущение было точным, как боль: он когда-то остался вот так же – в комнате, где воздух был чужим, а мир слишком большим.

И я вдруг понял: ребёнок, который был мной, всё это время ждал момента, когда я перестану бежать.

Не к работе. Не от страха. А от него самого.

Я вдохнул глубже, чем хотел, и этот вдох будто растянул моё прошлое в длинную тонкую нить, связал это утро с теми годами, в которых я слишком быстро вырос.

И впервые я подумал не о том, что будет завтра. И не о том, как выжить.

Я подумал о нём. О мальчике, которого однажды оставили наедине с миром – слишком жёстким, слишком быстрым, слишком шумным.

И о том, почему я перестал его слушать.

Этот вопрос и стал началом.

История началась здесь – в чужой комнате, среди тишины нового города. Но, по правде, она началась намного раньше. Просто я слишком долго боялся возвращаться туда, где всё ещё стоял тот мальчик.

И теперь я понимаю: чтобы идти дальше, нужно сначала услышать того, кого ты когда-то потерял.

ЧАСТЬ I. Тишина

Глава 1. Пока она идёт

Утро начиналось как обычно – с маминого голоса.

Он всегда находил меня во сне так мягко, будто брал за руку и выводил наружу.

Я просыпался нехотя – как просыпаются дети, которым ещё рано быть без кого-то.

Так же нехотя чистил зубы, натягивал одежду.

Мы выходили из дома.

Дорогу в детский сад я знал так хорошо, что иногда казалось – она знает меня в ответ.

Каждая лужа была своим морем, каждый камешек – отметкой в памяти.

Мы шли, и я говорил обо всём подряд: про игрушки, про птиц, про что-то, что видел во сне.

Мамина рука в моей ладони была спокойной, уверенной, тёплой.

Пока она шла рядом – мир был ровным.

Всё было на месте.

И я – тоже.

Тогда мне казалось, что это состояние – навсегда.

Но как только впереди появлялось здание детского сада,

я сильнее хватал её руку.

И шёл всё медленнее.

Сначала – порог ворот.

Потом – порог дверей группы.

И с каждым шагом воздуха становилось всё меньше.

У порога я всегда задерживался.

Смотрел на её лицо, будто боялся забыть его за те часы, которые буду один.

Иногда мне казалось: если запомнить каждую чёрточку, возвращаться будет не так страшно.

Мы проходили внутрь.

Я тянул время.

Она улыбалась – устало, немного поспешно, но всегда мягко.

А когда она наконец выходила из группы и исчезала за дверью, я тут же бежал к окну.

Оно выходило на тот путь, по которому мы приходили.

И по которому она уходила.

У нас была традиция.

Она никогда её не нарушала.

Мама выходила, поворачивалась, поднимала голову, искала меня глазами – и мы махали друг другу.

Я махал до самого последнего момента, пока она не растворялась вдоль улицы.

А потом ещё стоял.

Просто на всякий случай.

Вдруг вернётся.

В тот день она не повернулась.

Она шла быстро, как будто думала о чём-то другом.

Ничего не случилось.

Только она не посмотрела.

Я замер.

Потом махнул – один раз.
Другой.
Ещё.
Она не увидела.
И внутри что-то рухнуло сразу —
без предупреждения,
без паузы.
Я не плакал сначала – просто перестал дышать правильно.
А потом накрыло.
Не обида.
Не каприз.
Страх.
Такой, от которого ребёнок становится меньше.
Я вцепился лбом в холодное стекло.
Смотрел на дорожку, по которой она шла,
и пытался поймать её взгляд – даже если её там уже не было.
– Не переживай, мама скоро вернётся.
– Пойдём к ребятам.
– Всё хорошо.
Но я не слышал.
Они говорили про «потом».
А я ждал «сейчас».
Мне казалось, что, если я отойду от окна хоть на шаг,
она придёт и не найдёт меня.
И подумает, что я тоже не посмотрел.
Я просидел так весь завтрак.
Она, конечно, не пришла – это был обычный день.
Но что-то во мне осталось там:
у окна,
у той дорожки,
где однажды не появился силуэт.
*Тогда я ещё не знал,
что ожидание – это не просто чувство.*

Глава 2. Рядом со страхом

Я стал немного старше.
Страх – нет.
Ночь в доме всегда звучала иначе.
Днём здесь были стены, мебель, голоса.
Ночью – только тишина и ожидание.
Я лежал в своей комнате и не мог уснуть.
В соседней комнате была мама.
Там сидели какие-то люди – то ли знакомые, то ли друзья.
Они смеялись слишком громко для ночи и говорили слишком резко для тихого дома.
Я не слушал слова – я слушал паузы между ними.
В такие паузы обычно что-то происходило.
В этот раз ничего не происходило.
Но страх был.
Я всегда засыпал с мамой.
Без неё сон не приходил – будто не знал дороги.
Я встал.
Осторожно, чтобы не скрипнули половицы.
Коридор пах табаком и чем-то кислым – следами весёлой усталости взрослых.
Я не смотрел на лица.
В такие моменты лица были страшнее любого звука.
– Мам... – позвал я тихо.
Она повернулась не сразу.
– Скоро приду, – сказала она.
Этого должно было хватить.
Наверное.
Я вернулся в комнату.
Секунды стояли.
Потом начинали тянуться – липко, вязко.
Я лежал под одеялом и грел рядом пустое место – для неё.
Тепло казалось надеждой: если согреть место заранее, она придёт.
Я снова поднялся, подошёл к ней, взял за руку.
– Через пять минут, – ответила она, даже не глядя в мою сторону.
Пять минут – это почти «сейчас», правда?
Я лёг и смотрел на дверь так пристально,
будто взгляд мог её открыть.
Я ждал —
всей грудью,
без остатка.
Я плакал тихо.
Плакал внутрь.
Почему она не идёт?
Она же сказала...
Она же должна прийти...
Прошёл час.
Дверь так и не открылась.
Я заснул.

Она не пришла.

Позже я назову это так: любить — значит ждать.

А ждать — всегда немного страшно.

Эта ночь стала первой, после которой страх перестал быть случайным.

Он стал фоном.

***

А потом была другая ночь.

Та, в которой страх имел звук.

Я проснулся резко —

не от кошмара,

а от удара.

Глухого.

Тяжёлого.

Потом – звон стекла.

Я сразу понял: это упали часы.

Наши круглые настенные часы,

которые тикали так ровно, что я под них засыпал.

Теперь они лежали на полу, разбитые вдребезги.

И рядом с ними – дядя.

Мой родной дядя.

Он был настолько пьян,

что казалось: он не стоит,

а держится на чём-то,

что вот-вот оборвётся.

Взгляд мутный, расфокусированный —

он не видел ни меня, ни комнаты.

Он мог сделать что угодно.

Он поднял кулак

и ударил в стену.

Медленно.

Тяжело.

Будто рука шла через воду.

Ещё раз.

Ещё.

Осколки стекла врезались ему в кожу.

Кровь капала на пол,

но он не чувствовал боли.

Он был слепой яростью.

Я замер.

Сердце билось слишком громко —

казалось, он услышит.

Но он не слышал и этого.

Я не стал ждать второго шанса.

Сорвался с кровати

и выбежал в коридор —

быстро, но тихо,

будто скорость могла сделать меня невидимым.

Влетел в комнату брата.

– Что случилось? – в панике выдохнул я.

Брат посмотрел так,
как смотрят люди,
которые ещё держатся,
но страх уже зацепил их за горло.
– Он расстался с девушкой, – сказал он.
Мне стало только страшнее.
В нашем доме расставания
всегда были как землетрясения —
никогда не знаешь,
что именно рухнет.
Я начал ходить по комнате короткими шагами,
будто движение могло спасти
от того, что подступало внутри.
Я вслушивался.
В каждый звук.
И они снова начались.
Один.
Второй – громче.
Третий – такой силы,
что дом дрогнул.
Мы выскочили в коридор.
Дядя стоял у входной двери
и бил по ней кулаками —
так, будто пытался выбить наружу
собственную ярость.
Железо дрожало.
На металле оставались
размазанные кровавые следы.
Его удерживали,
что-то кричали,
тянули назад —
он никого не слышал.
Я начал пятиться.
Шаг.
Ещё.
Потом развернулся
и убежал —
туда, где можно стать маленьким,
сжаться,
исчезнуть.
Под кроватью пахло пылью.
Тесно.
Давило в плечах.
Но там было безопасно.
Я лежал и слушал,
как дом трясётся от ударов.
Не знаю, сколько прошло.
Час.
Два.

Вечность.
Потом всё стихло.
Я медленно выбрался из-под кровати.
Мир казался хрупким —
будто от моего шага
он мог расколоться.
Я вышел в коридор.
Дядя спал.
Тихо.
Будто ничего не было.
Во мне что-то обмякло,
как будто с груди
сняли тяжёлую плиту.
Но легче не стало.
Эта ночь осталась во мне:
в теле,
в том, как я стал слушать дом.
И тогда я осознал:
тишина тоже может пугать.
***
А днём страх жил по-другому.
Он не кричал —
он ждал.
Я возвращался домой после школы.
Дорога была знакомой, короткой —
я мог пройти её с закрытыми глазами.
Но я всегда спешил.
Шёл быстро, почти бегом —
будто расстояние между мной и домом
могло что-то решить.
Когда наш подъезд появлялся в поле зрения,
я замедлял шаг.
На крыльце стояли люди.
Чужие.
Взрослые,
которые никогда не были трезвыми полностью.
Кто-то курил.
Кто-то держал бутылку.
Кто-то прятал всё это за улыбкой.
Я опускал взгляд.
Всегда.
Я знал:
если не смотреть —
меня не заметят.
Я прошёл между ними,
стараясь не дышать громко.
Никто ничего мне не сказал.
У меня не было ключа.
А звонок не работал.

Я постучал —
несколько раз,
равномерно,
будто от правильного ритма
зависела безопасность.
Я перебирал варианты:
кто откроет?
Какой он сейчас?
Трезвый или нет?
– Кто там? – всегда один и тот же вопрос.
Бабушка.
Я выдохнул.
Едва заметно.
Дверь открылась.
Стоило мне войти,
как воздух изменился.
Он стал тяжелее, гуще —
будто дом снова
начал что-то скрывать.
И вдруг с кухни раздался крик.
Резкий.
Не слова – звук.
Так кричат,
когда что-то внутри
Я бросил рюкзак в комнате
и пошёл посмотреть.
Передо мной открылась картина,
которую я помню до мелочей.
Тётя держала нож.
Дядя, её гражданский муж, рукой прижимал живот —
будто не верил,
что это с ним.
И в это же мгновение
нож оказался в нём.
Я не успел подумать.
Тело решило само.
Ноги рванули прочь —
так быстро,
что я чуть не упал на лестнице.
Я выскочил на улицу.
В тапочках.
Побежал к соседнему дому —
к красному дому, как мы его называли.
Там был удобный балкон,
с которого было видно наше крыльцо.
Добежав,
я вцепился в холодные железные перила —
и этот холод
хоть немного возвращал реальность.

Я стоял и ждал.
Не мигая.
Ждал чего угодно.
Внутри была дыра,
в которую проваливалось всё:
мысли,
дыхание,
время.
Приехала скорая.
Потом полиция.
Мелькали силуэты,
фары,
голоса.
Я стоял.
Замерзал.
В тонкой школьной одежде.
В тапочках.
Мне было всё равно.
Я боялся только одного —
возвращаться домой.
Только когда всё стихло,
когда машины уехали
и дом снова стал тихим,
будто ничего и не произошло,
я решился.
Я медленно спустился
и пошёл к подъезду.
Каждый шаг
звучал как вопрос.
Внутри дома пахло металлом.
Или мне так казалось.
Все расходились по своим комнатам.
Тишина стояла такая,
будто дом делал вид,
что он ни при чём.
Я узнал,
что дядю увезли в больницу.
Что он жив.
Что всё уже «нормально».
Я лёг.
Но спать не смог.
Я смотрел в потолок
и чувствовал:
этот день
надломил меня изнутри.
*С тех пор я всегда
смотрел на крыльцо
раньше, чем на дверь.
Я возвращался домой так,*

*будто проверял —
можно ли сюда
ещё возвращаться.
И почти всегда
боялся ответа.*

Глава 3. Моё и чужое

Я рос среди чужого «есть» и своего «нет».
Тогда я не знал таких слов – я просто чувствовал разницу, как температуру.
В раннем детстве она была мелкой, почти незаметной.
Кто-то приходил в садик в новой куртке – и я думал о её цвете.
Кто-то приносил игрушку – и я радовался вместе с ним.
Потом чувства стали точнее.
Разница – громче.
Боль – осознаннее.
И то, что раньше было просто фоном, превращалось в постоянную тень.
Одежда, которую мне отдавали, перестала быть просто одеждой.
Она пахла чужими домами —
как будто мне выдали роль, сшитую кем-то до меня.
Телефоны, которыми пользовались другие, были пропусками в мир, куда меня не пускали.
Разговоры о «карманных» казались нормой для всех – кроме меня.
И всё это не ранило сразу.
Оно точило – медленно, терпеливо.
Я научился прятать запах старой куртки.
Стоять подальше, чтобы не заметили, как растянута футболка.
Смеяться в нужный момент, чтобы никто не подумал, будто я завидую.
Но внутри это давило так, будто я каждый день носил что-то тяжёлое в карманах.
В нашем классе было несколько ребят, с которыми я проводил много времени.
Я не был одним из них. Я был рядом.
Не самый смешной.
Не самый интересный.
Но и не лишний...
Пока у каждого из них не появился велосипед.
Я помню тот день – блеск металла, запах резины, шум свободных колёс.
И то, как я почувствовал себя маленьким рядом с этим звуком.
Пока они ехали – я бежал.
Пока смеялись – я задышался.
Пока сворачивали за угол – я оставался на том же месте.
Меня звали всё реже.
А когда звали, я знал: будут уезжать вперёд, а я – догонять.
Но я шёл.
Они спрашивали:
– Почему тебе не купят велосипед?
И я впервые почувствовал, что бедность – это не отсутствие вещей.
Это был вопрос,
на который у меня не было ответа.
Однажды я соврал.
Сказал, что велосипед у меня есть. Просто на даче.
Ложь была тонкой. Детской. Неловкой.
Я знал, что мне не верят.
Но правда была слишком голой, чтобы её показывать.
Они пришли за мной, чтобы позвать гулять.

И на крыльце стояли мои родственники – пьяные, громкие, с тем тяжёлым запахом, который выдаёт дом лучше любого слова.

Ребята спросили:

– У него правда есть велосипед? – имея ввиду меня.

Мгновение – короткое, как вдох.

Оно решило всё.

Мои родственники, не понимая ничего, рассмеялись.

Сказали что-то вроде:

– Какой велосипед? Вы что...

И я почувствовал, как моё лицо пылает.

Как будто что-то внутри треснуло – тихо, но навсегда.

Они не смеялись надо мной.

Они смеялись над самой попыткой быть «как все».

Я хотел провалиться под землю.

Стать тенью.

Исчезнуть с этого крыльца.

Стыд – это не чувство.

Это след.

Его не снимают извинениями, не лечат временем.

Он живёт в тишине между словами – именно там, где однажды над тобой посмеялись.

После этого дня я перестал догонять.

Я стал идти чуть медленнее.

Смотреть под ноги.

Выбирать места, где можно быть незаметным.

И впервые почувствовал ту пустоту, о которой потом долго не знал, как говорить.

Пустоту там, где у других что-то было.

Я рос от того,

чего у меня не было.

Глава 4. Место

Я всегда был разговорчивым ребёнком.
Не шумным – разговорчивым.
Мне нравилось рассказывать: о том, что видел, придумал, почувствовал.
Но рядом со взрослыми я почти всегда замолкал.
Сжимался.
Выбирал слова.
Терял голос.
Кроме одного человека.
Он не был мне родным – гражданский муж моей тёти.
Но рядом с ним дом становился другим.
Чуть спокойнее.
Чуть безопаснее.
Как будто у этого пространства наконец появлялся кто-то, кто знал, как в нём жить.
Он учил меня играть в карты: держать их веером, думать наперёд, не спешить.
Я долго не мог его выиграть – и это казалось естественным.
Когда я победил впервые, он просто улыбнулся.
Спокойно.
Без раздражения.
Не знаю до сих пор – поддался он тогда или нет.
Но после этого я выигрывал ещё.
И каждый раз чувствовал, что становлюсь немного больше, чем был.
Я помогал ему с делами: подавал инструменты, держал фонарик, пока он чинил проводку.
Он объяснял.
Слушал.
Не торопился закончить разговор.
В тот вечер мы просто разговаривали.
Обычный разговор.
Обычная комната.
Я говорил много.
Слишком много – как бывает, когда долго молчишь в других местах.
И вдруг он сказал:
– Валя, ты слишком много говоришь.
Сказал спокойно.
Без злобы.
Может, устал.
Может, не вложил в это ничего особенного.
Для меня это была не фраза.
Это была дверь, которая закрылась.
Я замолчал сразу.
Словно кто-то повернул ручку громкости внутри меня – и звук исчез.
Так плотно, что я не смог открыть его снова много лет.
Закончилось не предложение.
Закончилось право говорить.
Самые тихие слова могут падать внутрь громче крика.
После этого дня я стал осторожнее.
Слушал, прежде чем говорить.

Подбирал паузы.
Выбирал безопасные темы.
И чаще всего – просто молчал.
Мне казалось, что, если я буду говорить меньше, меня будут любить больше.
Что тишина – самый надёжный способ не потерять человека.
Это была моя тишина.
Место, где я замолчал.

ЧАСТЬ II. Пока рядом

Глава 5. Вне дома

Мне всегда хотелось быть с кем-то.

Не просто рядом – среди своих.

Дома я был один даже тогда, когда вокруг находились люди.

Поэтому улица стала тем местом, где я впервые почувствовал: я могу чему-то принадлежать.

В школе нашлась небольшая компания.

Сначала – разговоры на переменах, сигареты в туалете, бег от учителей.

Потом – вечера вместе.

Они были шумные, свободные, будто вокруг них постоянно гулял ветер.

И рядом с ними мне впервые было легко.

Мы покупали дешёвые напитки в киоске около школы – там никогда не спрашивали документы.

Пока один стоял у прилавка, остальные делали вид, что просто ждут.

Когда пакет был в руках – мы летели в подъезд.

Сырой. Тёмный. Пустой.

Но наш.

Мы садились на ступеньки, открывали бутылки, включали музыку на телефоне.

Смеялись так громко, будто могли прогреть бетон.

Иногда нас выгоняли соседи, иногда нет.

Подъездам было всё равно, кто мы.

И это ощущение было почти домашним.

Иногда человек ищет не компанию.

Он ищет доказательство, что его можно терпеть рядом.

***

Однажды мы собрались не в подъезде, а у Данила.

Его родители уехали в отпуск, и квартира на месяц стала нашей.

Нас было много – пятнадцать, может, двадцать человек.

Еда, алкоголь, сигареты – каждый принёс что мог.

Как будто мы складывали вечер по частям.

Мы танцевали, орали, смеялись.

Музыка трясла стёкла, пол дрожал под ногами.

Я плохо помню разговоры – каждый говорил своё, и всё казалось важным.

Пока кто-то не крикнул:

– Данил, к тебе же соседка зайти должна!

Мы заржали.

Тише, конечно, не стали.

Когда раздался звонок в дверь, все начали прятаться.

Кто куда.

Я вместе с несколькими ребятами прыгнул за кровать.

Мы лежали, сжавшись, дышали перегаром.

Это был не страх – это была игра.

Соседка зашла, потом вышла, затем вернулась уже с телефоном.

Включила громкую связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.